

МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ — ЭЛЕГАНТНОСТЬ АНТИГЕРОЯ

У него немного дрожат руки, когда он пытается справиться с пламенем зажигалки, прикуривая одну сигарету за другой. Но он все равно продолжает оставаться тем самым Мар-

челло Мастроянни, звездой, вот уже 40 лет путешествующей по экранам всего мира и сыгравшей за это время в 150 фильмах.

В детстве он ложился спать в носках, футболке и кальсонах, так как его отец — столяр не имел достаточно денег даже на то, чтобы купить ему пижаму. В юности Марчелло попеременно был каменщиком, кузнецом, служащим муниципалитета, коммивояжером, кассиром в банке, счетоводом в офисе, в котором он заклеил все углы фотографиями знаменитых актеров. Все это было до того, как его открыл Висконти, искавший в то время новый образ героя-любовника для кино. Однако настоящий успех в кинематографе пришел к Мастроянни благодаря Феллини. Скола и многим другим первоклассным режиссерам. Сегодня легенды о Марчелло так тесно переплелись с действительностью, а сам он так часто опровергает различные мифы о себе, что порой возникает вопрос, а не уготовила ли ему в действительности жизнь испостась антигероя в противовес огромному количеству ролей, сыгранных им на экране.

— Вы всегда были на экране соблазнителем, а сейчас часто заявляете, что созданные вами образы не имеют с вами ничего общего?

— Почему соблазнителем? Я отказался от образа пылкого любовника, тем более что он вышел из моды. Все мои персонажи, сыгранные у Феллини, были неудачниками. И мне они очень нравились, потому что

были близки по духу. Я не соблазнитель, но в любую сыгранную роль всегда вкладываешь самого себя. 50 процентов принадлежит сценарию, а другие 50 процентов принадлежат мне. Очень важно, с кем сниматься. Работа с друзьями превращает съемки в увлекательную игру. Когда ты снимаешься с незнакомыми людьми, все намного сложнее. По крайней мере для меня. Но надо иметь в виду, что моими друзьями являются Моничелли, Скола, Феллини... Немногие могут сравниться с ними.

— Дружба с такими людьми наполняет вас гордостью?

— Сказать, что они дают мне почувствовать себя более совершенным, было бы слишком претенциозно. Но они мои друзья и знают, что я могу дать им. И не просят того, что я не могу. Они делают все по моим меркам. И я их моментально понимаю. Это очень удобно. Как если бы мы были детьми и играли бы все время. Но не выходя за границы игры.

— И каковы эти границы?

— Ой! Не знаю. Думаю, что я лентяй, бездельник, обманщик и человек малообразованный, но лучше всего спросить у них. Они знают мои границы намного лучше меня.

— И как человека тоже?

— Да, конечно. Умный друг может увидеть в тебе намного больше, чем ты сам. Человек склонен оправдывать себя, ду-

мая, что он какой-то особенный, отличный от всех. Но это неправда. Но кому-то верить нужно, чтобы можно было спросить его, в чем ты ошибся, чего тебе не хватает. Самому в себе разобраться очень трудно.

— Значит, от ваших друзей зависит многое?

— Да. Как и от людей, которые меня любят. Я обожаю мою работу, мою жизнь, моих детей. Обожаю посидеть за хорошо накрытым столом и болтать до тех пор, пока не пересохнет язык. Это является моим мотором. Возможно, я не люблю себя так, как это надо было бы, и поэтому я так в них нуждаюсь.

— Почему же вы не любите себя?

— Наверное, из-за своей профессии. Которая ничего не стоит. Предпочитаю наблюдать за врачом, за полицейским, за людьми, которые более надежны и жизнестойки, чем я сам.

— А вы недостаточно надежны?

— Пожалуй, так. Очень немногие люди могут с полным правом назвать себя надежными. Вообще актеры большие фантазеры. Фантазия — это очень хорошо, но и довольно опасно для окружающих. А я очень несерьезен. У меня нет воли. Дело в том, что нужно быть немного несерьезным для того, чтобы посвятить себя этой профессии. Каждую минуту надо менять образ, надо

давать публике то, что она желает, надо надписывать автографы, надо всегда улыбаться. Так много людей, так много обмана вокруг... и у меня есть чувство самокритики и чувство смешного... Я же повторяю одно и то же и раздаю те же улыбки с тех пор, как начал, 40 лет назад, меня это утомляет. Но ведь нужно продолжать...

— Вы когда-нибудь думаете о будущем?

— Единственное, что я знаю, это то, что я не хочу умирать. Я бы хотел знать, что будет на свете через 50 лет. И мне мучительно думать о том, что я этого уже не узнаю. Люди плачут, когда умирают великие люди, они печалются об их смерти, скучая без них. Но это не относится к нам, к актерам...

— Вы думаете, что никто не будет оплакивать вашу смерть?

— Ха, ха, ха... Из-за смерти одного актера никто, если он в своем уме, не расплачется. Да, это сделают из-за большого поэта, великого художника, великого скульптора, святого, но не из-за актера, который в глубине своей ребенок, игрушка, который по сути своей — никто.

— Вы часто смеетесь над собой?

— Нет. У меня для этого слишком много чувства юмора. Может быть, потому, что я учился в университете на архитектора, я всегда считал профессию актера чем-то случайным, единичным. Я никогда не мечтал стать актером. Поэтому я сам себе не нравлюсь. Мне не за что себя уважать. Я должен был быть архитектором, а сейчас я здесь зарабатываю себе на жизнь детскими играми. Пожалуй, мне следовало бы раскаяться. Но что делать, я стараюсь по максимуму, позволяя себе иногда быть фривольным, имитируя, когда надо, силу и страсть. И давайте перестанем рассуждать, хорошо это или плохо.